

Это было давно. Сколь столетий назад – я того вам сказать не могу.

Старый терем стоял там, где сосны шумят на высоком крутом берегу. Именитый боярин в том тереме жил, был он славен, почётен, богат. Никого не любил. Никого не щадил. Грозен был у боярина взгляд. Много слуг он имел, и на них он глядел, как холодная зимняя ночь.

Тот боярин был вдов, и уж много годов знать не знал, как живёт его дочь.

Из холопов один грозный взгляд выносил – был тот парень и ловок и смел. Он в боярских лугах, скакуна обрывает, обгоняет буйный ветер умел.

На вечерней заре, когда яблонный цвет осыпался и падал, как снег, увидел молодец на росистой траве чуть приметный за теремом след. По зелёным лугам он пошёл по следам и пришёл он на берег крутой; видит: там у реки, где шумят тростники, плачет девушка с русой косой.

В прибрежных кустах и в сухих тростниках долго парень чего-то искал. Он тростинку нашёл, дудку сделал ножом и на дудке он песню сыграл. Слышит девушка в ней: «Не грусти, слёз не лей, я с тобой, дорогая моя...»

Осыпался в саду бело-розовый цвет. Да под кручей плескалась струя.

Много раз с той поры над рекой у горы ждал боярскую дочку холоп. Не сверкала слеза в её синих глазах – полюбились ей песни без слов. И боярская дочь в одну летнюю ночь поклялась парня век не забыть. Клятвы были – навек. Но лихой человек в ту же ночь их сумел различить: старый раб всё узнал и отцу рассказал. И боярин стал тучи грозней – он кричал, он стучал: «Бить плетьюми! – приказал. – Бить плетьюми и прогнать прочь с очей».

Только парень не ждал, за реку он сбегал, не отдавая боярских плетей, и на том берегу песню громко сыграл на чудесной свирели своей.

Вот закат отпылал. И белёсый туман скрыл тот берег, и терем, и сад. Парень тяжко вздохнул, головою тряхнул и пошёл – куда очи глядят...

Шёл он лесом густым. Шёл он полем пустым. Долго шёл. И дошёл наконец до высоких хором. Под узорным крыльцом сел на камень усталый беглец и на дудке сыграл. Так он песню слагал, что заслушаться все не могли. У хоромных ворот дивовался народ: «Верно, он не из нашей земли!»

Вышел сам старый князь и слуге дал приказ: «Чтоб свирельщик играл для меня! Накормить-напоить, честь-почесть нарядить. Поднести ему чару вина».

А у князя был пир. При гостях князь спросил: «Чей ты родом? Нам имя отчужденное». Князю он отвечал: «Отца-мать

Александра Анисимова

Свирель

я не знал... Не за имя любим был одной...»

«Так останься. Любим, ты под кровом моим и весёлые песни нам пой. А за песни твои мы тебя наградим и конём, и вином, и парчой».

Часто князь звал гостей, и свирелью своей чаровал их весёлый Любим. Гости звали к себе и вели на коня на пиры то к одним, то к другим.

Где Любим не бывал! Сколько стран он узнал, исходил много дальних путей.

Так прошло много лет. Уж свирельщик стал сед. А свирель всё звучала сильнее.

Средь полей и лугов и дремучих лесов молодой и могучий был князь. О певце он узнал и к нему прискакал поздней ночью от всех погнався. Он певцу говорил: «Слушай слово, Любим. Ты бессилён. Ты – нищий. Ты – стар. Ты свирель мне вручи, а с меня получи, что бы только иметь пожелал. Мне с свирелью твоей будет жить веселей – на свирели играть буду сам!»

И ответил старик: «Ты богат и велик, но свирель я тебе не продам». Князь присил. Князь грозил. Много денег сулил. Не сдавался упрямый старик.

«Что в свирели моей? Знай, князь, сила не в ней. Ведь свирель – это только тростник. Не свирель так поёт, а любовь, что живёт много лет в моей вольной груди».

Он от князя шёл прочь. А кругом была ночь, и шумел тёмный лес впереди.

Вот свирельщик седой в край

явился родной, где под кручею волны бегут.

Не узнать этих мест. Только шепчется лес на высоком крутом берегу... А где терем стоял, вырос дикий бурьян. От села не осталось следов – тут могилы да тень, да взвился дикий хмель по ветвям одичалых садов...

И заплакал старик. И запела свирель: «Где ты, где моя радость, Любовь?»

Средь лугов и садов льётся песня без слов, как тогда – в молодые года. Вдруг он слышит... но что? Шорох милых шагов? Или плещется в реке вода? Наяву или во сне?

А на узкой тропе чьё-то тёмное платье видать. Он свирель уронил, он навстречу спешил. Он в старушке не мог не узнать ту, которую ждал, ту, которую звал: «Это ты, дорогая Любовь!»

И сказала она: «Нашей клятве верна, я ждала тебя много годов, здесь в избушке лесной, коротая век свой вдалеке от житейских тревог. Мне о славе твоей говорил шум ветвей, ветер нес вести с дальних дорог».

Тихо ветер шумит, он камыш шевелит, на лугах клонит белый ковыль. А усталый старик над рекою сидит, и Любовь говорит ему быль:

– Из села все ушли от холопской судьбы. Говорили, что ты их смутил. Мой суровый отец, разорившись вконец, у меня, у изгнанницы, жил. Никого не любил, сам себе стал не мил, до могилы он всем был чужой. Схоронили его на высоком яру под зелёной кудрявой сосной...

Над широкой рекой в той избушке лесной со старушкой остался старик. И скучны с той поры у князей их пиры – вольной песни не слышно на них.

Бор шумел. Годы шли. Также воды текли и всё также плескались в яру.

И Любовь пожелала в последние дни: «Пусть под песню твою я умру».

В час, когда расцветал бело-розовый сад, пел старик свою песню любви. Он её не допел – захрипела свирель... словно что оборвалось внутри...

И свирельщик седой ослабевшей рукой всю свирель изломал на куски. И над яром он встал и с тоскою сказал: «Унесите их волны реки!»

И обломки летят в яр, где воды шумят... Но они не погибли в волнах – стаей пташек взвились, над рекой пронеслись и укрылись в прибрежных кустах. А в кустах раздалась трели, шиканье, свист. Песнь гремела сильнее и звучнее.

Слушал звуки старик и улавливал в них дивный голос свирели своей.

Это было давно. Сколько лет – всё равно. Но с тех пор и поют соловьи. Отыграла свирель. И певца нет теперь. Но жива его песня любви.